

Алексей Виноградов

ОБРАТНАЯ
СТОРОНА
ИСТИНЫ

18+

Алексей Виноградов

Обратная сторона истины

«Автор»

2026

Виноградов А. В.

Обратная сторона истины / А. В. Виноградов — «Автор», 2026

Одна ночь превращает жизнь лучшей подруги в руины: в её квартире найден труп, а сама она ничего не помнит. Следователь Юлия Щукина, рискуя карьерой и законом, начинает расследование, но каждый шаг к истине разбивает иллюзию их дружбы — ведь предательство может оказаться куда страшнее убийства.

© Виноградов А. В., 2026

© Автор, 2026

Алексей Виноградов

Обратная сторона истины

Глава первая

Четырнадцать часов за спиной и это ещё не предел. Я сидела в кабинете, спина затекла, ноги затекли. Откинулась на спинку стула и потёрла виски кончиками пальцев. Глаза щипало от монитора, хотя я выключила верхний свет ещё в восемь, только настольная лампа выхватывала из темноты горы бумаг. На столе лежала папка. Дело, которое второй месяц высасывает все соки. Доводит до белого каления. Убийство генерального директора сети ювелирных изделий. Подозреваемый молчит как партизан, свидетели путаются в показаниях. Улики есть, но все они ведут в никуда, как пальцы, которые сжимают солёную воду. Я снова потёрла виски. Телефон ожил. Звонил Никита. Мой горячо любимый капитан, который сейчас отдыхал дома, а я сидела на работе.

- Щукина, ужин стынет, а тебя всё нет. Я тут, знаешь ли, старался. Картошка с мясом. Не котлеты, конечно, но ты заслужила нормальную еду, а не дошик из автомата на втором этаже.

В его голосе сквозила та самая ленивая усмешка, от которой хотелось то ли целовать его, то ли придушить. Вот засранец. Он ещё и издевается.

- Спицын, угадай, где я.

- Догадываюсь.

- Правильно. В нашем кабинете, - вздохнул я, как будто это была моя дурацкая привычка, а не необходимость. - Скоро приеду. Разогревай.

- Разогреть не проблема, - в голосе Спицына прорезалась мягкая, почти отцовская нота.

- Проблема доставить твою упрямую задницу с работы домой, пока ты не заснула лицом на клавиатуре. Я заеду через двадцать минут

- Не надо, я на своей.

- Юля. Через двадцать минут. Не спорь.

И он отключился уверенно, как человек, который знает, что спорить с ним сейчас бесполезно. И правильно знает. Потому что сил на спор у меня не было. Дверь кабинета открылась без стука. В кабинет вошёл Роман Евгеньевич. Полковник. Мой начальник. В полумраке его лицо казалось вырезанным из серого гранита, уставшее, но всё ещё опасное.

- Щукина, ты что ещё здесь? - он остановился у порога, сунув руки в карманы кителя.

- Я думал, ты уже дома.

Я подняла взгляд.

- Товарищ полковник, вы же сами от меня ждёте результат.

Он подошёл ближе, скользнул взглядом по разложенным на столе протоколам, по пустой чашке кофе, который остыл ещё три часа назад, по моим пальцам, всё ещё сжимающим виски.

- Щукина, ты выглядишь так, как будто тебя неделю не кормили.

- Это оптический обман.

- Это не оптический обман, это профессиональное выгорание. - он тяжело опустился на стул напротив. - Или домой, или я тебя отправлю на медосмотр. Завтра у тебя важный день. Ты забыла?

Я не забыла. Завтра очередное заседание по делу ювелирного магната. Последняя надежда вытащить из подозреваемого хоть что-то внятное. Если завтра проколемся дело прикроют, а убийца останется гулять на свободе.

- Сейчас Никита за мной приедет, и я поеду, - ответила я, хотя сама в это уже не верила.

Роман Евгеньевич посмотрел на меня так, как смотрят на тонущего, который отказывается хвататься за спасательный круг.

- Жду тебя завтра в девять. Отдохнувшей. - он поднялся и направился к двери. - Это не просьба, Щукина.

Дверь закрылась. Я осталась одна. В 23:50 я выключила компьютер. Встала. Пошевелила пальцами ног, они отозвались тупой болью. Накинула куртку, тёплую в которой не жалко мокнуть под осенним дождём. Сунула в карман телефон, ключи, удостоверение. На прощание оглядела кабинет. Беспорядок на столе. Чёрный кофе в чашке. Портрет Никиты на подставке для бумаг, он всучил его в день нашего знакомства, сказав: «Чтобы ты на работе думала обо мне». Я думала. Чаше, чем следовало. Выйдя в коридор, я машинально глянула на экран мобильного. Будильник стоял на шесть утра. Можно поспать пять часов. Меньше, чем хотелось бы, но больше, чем обычно. Я спустилась по лестнице, лифт в нашем отделении не работал уже третий месяц, и все привыкли считать этажи ногами. Толкнула тяжёлую дверь подъезда.

Улица встретила морозным воздухом, который обжёт лёгкие. Ноябрь. Небо висело низкое, чёрное, без единой звезды. Фонари горели тускло, как будто им тоже хотелось спать. Я сделала три шага к парковке и телефон завибрировал. Сначала я подумала, Никита, уточняет, где я. Или Роман Евгеньевич, у которого проснулась совесть, и он решил подбросить до дома. Я взяла трубку, не глядя на экран.

- Да?

- Юля.

- Яна?

- Юля, - повторила она, и в этом втором «Юля» я услышала то, от чего внутри похолодело. Не просто страх. Не просто паника. Что-то хуже. Смирение. - Юля, ты мне нужна. Срочно.

Я стояла посреди тротуара. Ветер дул в спину. Где-то далеко сигнализировала машина.

- Что случилось? - спросила я, уже зная, что ответ мне не понравится.

Яна молчала три секунды. Может, четыре. Потом выдохнула резко, как человек, который всё это время не дышал.

- Приезжай. Пожалуйста. Я не могу говорить по телефону. Только приезжай.

- Яна, ты меня пугаешь. Скажи...

- Юля. - её голос сломался. - Просто приезжай. Хорошо?

Она отключилась. Я убрала телефон от уха. Посмотрела на экран. 23:57. Я могла позвонить Никите. Сказать, что задерживаюсь. Или ехать домой умыться, лечь спать, сделать вид, что ничего не было. Но ноги уже повернули в сторону стоянки служебных машин. Никита приехал через минуту. Я села рядом. Тёплый салон, запах его одеколона — такой домашний, такой нормальный. Никита повернулся ко мне, усмехнулся краем губ:

- Ну что, домой?

Я смотрела в лобовое стекло. Фонари мелькали жёлтыми пятнами.

- Яна звонила. Просила приехать. Высади около подъезда, а сам езжай домой, я поговорю с ней и приеду.

Никита не задал лишних вопросов. Только глянул на меня, по-своему, с той смесью беспокойства и доверия, ради которой я, наверное, и жила с ним последние два года.

- Долго? - спросил он.

- Не знаю.

- Тогда жду внизу.

- Никита...

- Юля, - передразнил он. - Я сказал жду.

Спорить не было ни сил, ни желания. Через десять минут он высадил меня у подъезда Яны. Сталинская высотка с облупившимся лепниной. Дом, где мы когда-то воровали мандарины с новогодней ёлки в соседском подъезде. Сейчас ёлки не было. Вместо неё мусорные баки и ржавые качели. Лифт не работал. Я поднялась на пятый этаж пешком. Сердце колотилось ровно, как метроном: одна секунда на ступеньку, один удар в груди. Квартира тринадцать.

Я нажала звонок. Потом постучала. Дверь открылась сразу, будто Яна стояла за ней и ждала, затаив дыхание. Она была в халате. Волосы мокрые, лицо белое, как лист бумаги. Глаза распахнутые, чёрные, бездонные. Она смотрела на меня так, как смотрят на последнюю надежду.

- Юля... - выдохнула она.

- Что случилось?

Яна открыла рот. Закрыла. Потом сказала тихо, почти шёпотом, но каждое слово врезалось в тишину подъезда, как гвоздь:

- У меня в квартире труп.

Сказать, что я охренела — это ничего не сказать. Я замерла. Рука застыла на дверном косяке. В голове щёлкнули шестерёнки: проверка информации, анализ, отрицание.

- Ты шутишь? - спросила я. Голос прозвучал чужим.

Яна покачала головой. Мокрые пряди прилипли к щекам.

- Нет. Не шучу. Она отступила вглубь коридора, пропуская меня. Я перешагнула порог. Запах обычный, Янин: ваниль, сухие цветы, чуть-чуть табака. Ни крови. Ни пороха.

- Рассказывай, - бросила я, уже автоматически натягивая на себя следовательскую броню.

- Мы выпили вина. Немного. Он пришёл поговорить о делах. Потом я ушла в душ. Минут на пятнадцать. А когда вернулась. Он уже лежал на полу и не дышал.

- Надеюсь, ты ничего не трогала?

- Нет.

Я посмотрела ей в глаза. Мне хотелось верить. Но чёрные зрачки подружки напоминали два пистолетных дула, смотрели прямо в душу и не моргали.

- Жди здесь, - сказала я. - И ничего не касайся. Даже дверной ручки.

Яна кивнула. Я прошла в комнату. И увидела его. Посреди комнаты лежал Борис Тихонов. Я узнала его сразу. Пять лет назад мы пересекались по делу о мошенничестве с недвижимостью, он проходил свидетелем. Дорогой костюм, дорогие часы, дорогое лицо человека, который привык смотреть сверху вниз. Сейчас он смотрел в потолок. Невидящими глазами. Я присела на корточки, стараясь не наступать туда, куда не следует. Дорогой костюм, без единой складочки. Синяя рубашка - вязаный галстук, заколка с жемчугом. Аккуратная входная рана в груди, чуть левее центра. Выстрел в упор, ткань опалена порохом. Я прищурилась. Профессионально. Но не идеально. Рана чуть ниже середины грудины, стрелявший либо торопился, либо не имел опыта. Профессионал бьёт в сердце или в голову. А здесь так, между рёбер, на два сантиметра левее. Любитель? Или кто-то очень хотел, чтобы это выглядело как любитель. Я медленно выпрямилась. Обошла тело, не наступая в возможную зону разброса гильзы. Гильзы не было. Совсем. Стрелявший забрал её. Это уже пахло не случайностью.

Из коридора донёсся всхлип. Я выглянула. Яна стояла на том же месте, прислонившись к стене. Её трясло мелкой дрожью.

- Яна, - сказала я медленно. - Ты понимаешь, что в такой ситуации я должна вызвать оперативную группу и передать всё официально?

Она подняла на меня глаза. В них не было истерики. Была только огромная, вселенская усталость.

- Понимаю.

- И тогда ты станешь главной подозреваемой.

- Понимаю.

- Я не смогу вести дело. Это конфликт интересов.

Яна немного помолчала. Потом сказала тихо, так тихо, что я едва расслышала:

- Юля я не убивала. Клянусь. Но я не знаю, как это доказывать. И боюсь, что если ты уйдёшь. Ты единственная, кто может понять, что это не я.

Я стояла в проходе между прихожей и комнатой. За спиной труп. Перед глазами лучшая подруга. Внутри железобетонное знание того, что закон не предполагает исключений. И другое знание тёплое, живое, человеческое: иногда закон ошибается.

- Дай мне пять минут, - сказала я.

Я вышла на лестничную клетку. Достала телефон. Пальцы зависли над клавиатурой. Позвонить Никите? Сказать, что он должен уехать и забыть, что привозил меня сюда? Позвонить Роману Евгеньевичу и официально зафиксировать явку с повинной Яны? Или... Я убрала телефон в карман. Спустилась на один пролёт вниз. Постояла у грязного окна, глядя на пустынную улицу. Через пять минут я вернулась. Яна не двигалась с места.

- Так, - сказала я, и голос мой звучал уже не как у подруги, а как у следователя, который принял решение. - Показывай. Где вы пили, куда ты уходила, что трогала, а что нет. И давай без соплей. Если хочешь, чтобы я тебя спасла, работаем как часы.

- Кухня там, - кивнула она в сторону коридора.

Я пошла за ней, на ходу отмечая про себя: Бутылка вина на столе - два бокала. На одном следы помады, на другом нет. Пепельница с одним окурком. Сигареты Яны, тонкие, женские. Полотенце на батарее, видимо Яна вытирала руки после душа. Я остановилась у края ковра. «Мы выпили вина, я ушла в душ, он остался сидеть в кресле. А когда вернулась он уже на полу». Логическая цепочка зазвенела в голове, как натянутая струна. Значит, кто-то вошёл в квартиру, пока Яна была в душе. Застрелил Тихонова. Забрал гильзу. И вышел. Беззвучно. Бесследно. За пятнадцать минут. Так не бывает. Или бывает, если этот кто-то был в квартире уже до того, как Яна ушла в душ. Я повернулась к подруге.

- Кто ещё был в квартире сегодня вечером?

- Никого.

- Яна.

- Никого, Юля! Я тебе говорю никого!

Я посмотрела на мертвеца в дорогом костюме, на его синюю рубашку, на чёрную дыру в груди. В кармане пиджака чуть виднелся край какого-то документа. Я не стала его трогать пусть эксперты. Но я заметила другое. На запястье Тихонова ремешок от часов. А сами часы отсутствовали.

- Яна, - спросила я медленно. - У него были часы?

- Были. Дорогие. «Ролекс», золотой. Он всегда хвастался.

Я выпрямилась. Часы пропали. Значит, у убийцы был ещё и мотив, не только смерть, но и нажива. Или кто-то очень старался, чтобы это выглядело как ограбление. Я набрала номер Димы.

- Слушаю, - сонно отозвался он.

- Дим, это Щукина. Мне нужна твоя помощь. Без оформления. Сейчас.

- Юля, у меня выходной и я сплю

- Дим, человек мёртв.

- Диктуй адрес.

Я продиктовала. Положила трубку. Повернулась к Яне. Она стояла, прижав ладони к лицу, и беззвучно плакала. Я не утешала. Не обнимала Потому что если я сейчас её обниму, то перестану быть следователем. А без этого мне её не спасти. Я прошла на кухню, открыла окно. Закурила впервые за последние три часа. Дым улетал в ноябрьскую тьму. Где-то там, за этой тьмой, был убийца. Я набрала Никиту. Гудок. Второй. Третий.

- Да?

- Никит, зайди.

Пауза. Он всегда чувствует мой тон за тысячу километров, а тут всего лишь этажом выше.

- Что случилось?

- Никит, зайди. И не задавай сейчас лишних вопросов.

Я сбросила вызов и встала у двери, скрестив руки на груди. Лифт, как назло, не работал. Я слышала его шаги через две минуты. Никита всегда поднимался так, будто шёл на штурм. Он появился на пороге - куртка нараспашку, щетина за полдня, глаза цепкие, как у охотничьей собаки. Окинул меня взглядом, прикидывая степень катастрофы.

- Предупредила бы, что лифт не работает, - выдохнул он. - У тебя такой тон голоса, что я...

Я не дала ему договорить. Взяла его за руку и потащила в зал. Никита не сопротивлялся. Только когда мы завернули за угол и он увидел простёртого на ковре Бориса Тихонова, и при-
свистнул. Протяжно. Тихо. Как человек, который понимает, что обратного пути уже нет. Яна стояла в углу, там же, где я её оставила. Мокрые волосы прилипли к вискам. Она смотрела на Никиту так, будто от него зависел приговор.

- Меня посадят? - спросила Яна. Тихо. Без истерики. И от этого спокойствия становилось только хуже.

Никита посмотрел на меня. Перевёл взгляд на Яну. Несколько секунд решал, врать или говорить правду.

- Пока никто никого не посадит, - ответил он. И я услышала в его голосе ту самую нотку обещания, за которое он потом может поплатиться.

- Добро пожаловать в мой мир, - сказала я. - Только на этот раз он у тебя дома.

Никита уже стоял над трупом, присев на корточки, как и я десять минут назад. Не трогал. Только смотрел глазами оперативника.

- Как это произошло? - спросил он.

Яна снова повторила. Вино. Разговор. Душ. Пятнадцать минут. Вернулась и вот он. Никита поднялся, выпрямился, зачем-то поправил воротник куртки. Глупый рефлекс, когда руки должны быть заняты делом.

- Мда, - протянул он. - Весёленький день. И это я ещё вчера жаловался, что на работе скучно

Я стояла, глядя на них обоих - на мёртвого Тихонова, на живую, но словно уже приговорённую Яну, на Никиту, который сжимал челюсти так, что желваки ходили ходуном.

- Я вызвала Диму, - сказала я. - Он будет здесь через полчаса. Неофициально.

Никита повернулся ко мне. В его глазах промелькнуло что-то - то ли страх, то ли восхищение. Или предупреждение.

- Ты понимаешь, что делаешь? - спросил он тихо. - Если это всплывёт, даже ты не отмажешься.

- Понимаю.

- А если Яна не чиста?

Я посмотрела на подругу. Она стояла, вжавшись в стену, и в её глазах не было хитрости. Только ужас.

- Тогда я сама её посажу, - ответила я. - Но сначала я узнаю правду.

Никита вздохнул. Достал телефон.

- Я тогда на улице покараулю. Чтобы никто случайно не зашёл.

Он вышел, хлопнув дверью. Мы с Яной остались вдвоём с тишиной и трупом.

- Юль. Что, если я правда это сделала? И просто не помню? Я посмотрела на неё. На её дрожащие губы. На распахнутые глаза.

- Не делай мне больно, Яна. Не заставляй в тебе сомневаться.

А про себя подумала: «Потому что если ты врешь, я не прошу себе этот вечер никогда».

Глава вторая

Я стояла посередине комнаты. Тишина давила на уши. Такая плотная, что хотелось крикнуть, просто чтобы разорвать её, как плёнку. Но я молчала. Тело лежало по центру комнаты.

Словно его кто-то специально положил. Не упал, не сполз по стене, а именно положил. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги ровно. Прямо как в гробу. Яна сделала шаг в сторону окна.

- Я хочу открыть форточку, - сказала она.

- Не подходи ближе, - отрезала я.

Она замерла. Послушная. Слишком послушная. Это меня пугало больше, чем если бы она кричала. Я присела на корточки снова. Колени хрустнули — четырнадцать часов за столом не прошли даром. Я осторожно отодвинула полу пиджака. Рубашка под ним синяя, пропиталась кровью, но не сильно. Не лужа, не фонтан. Артерию не задела. Только сердце. Входное отверстие было чистым. Почти хирургическим. Я наклонилась ближе. Кожа вокруг раны опалена - характерный признак выстрела в упор. Пороховые газы не успели рассеяться. Скорее всего, стреляли с расстояния не больше ладони. Я выпрямилась.

- Ну что, нашла? - спросил Никита.

Он стоял в дверях, прислонившись плечом к косяку, но поза у него была не расслабленная, а звериная. Я знала этот его режим. Он включается, когда дело пахнет керосином.

- Девятимиллиметровый, скорее всего, - сказала я. Голос прозвучал ровно, как показание прибора. - Стреляли с расстояния не больше десяти сантиметров. Кто-то очень не хотел, чтобы он мучился.

Яна прислонилась к стене. Вжалась в неё так, будто хотела сквозь неё провалиться.

- Юль, - выдохнула она. - Я его не убивала.

Я подняла глаза. Посмотрела на неё в упор. На её бледное лицо, на мокрые пряди, на то, как она обхватила себя руками, будто её знобило.

- Знаю, - сказала я.

И в этот момент я почти верила в то, что говорю.

- Но сейчас это не важно.

Я поднялась с корточек. Ноги затекли. Я не обратила внимания.

- Важно, что будет через час, когда придет криминалист и следователь Смирнова.

Никита качнул головой.

- Смирнова? Рита?

- Она.

- Щукина, ты издеваешься? - Никита отлепился от косяка и сделал шаг ко мне. - Рита Смирнова дуло, а не человек. Она посадит Яну, даже если на трупе будет записка «я самоубился».

Я знала. Я работала с Смирновой три года. Женщина-ледокол. Принципиальная до мозга костей. Если она возьмёт это дело, Яна сядет. Виновна или нет, не важно. Важно будет доказать невиновность. А временной ресурс на это у Яны, ровно до того момента, как Смирнова подпишет постановление об аресте.

- Поэтому я позвонила Диме. Он снимет отпечатки, заберёт пробы. Всё, что можно, без протокола. Потом мы решим, как подsunуть это дело Смирновой, чтобы оно выглядело чистым.

- Ты хочешь подставить Риту? - спросил Никита. В голосе не осуждение, а скорее профессиональное любопытство.

- Я хочу, чтобы справедливость восторжествовала.

- И для этого ты готова нарушить всё?

Я посмотрела на него. На Яну. На труп Бориса Тихонова.

- Никит, - сказала я тихо. - Если я сейчас уйду и сделаю вид, что ничего не видела - Смирнова придет через сорок минут и арестует Яну. Потом будет два месяца следствия, адвокат, суд. В лучшем случае условный срок. В худшем колония. За то, чего она не совершала.

- А ты знаешь, что она не совершала? - спросил Никита.

Повисла пауза. Я посмотрела на входное ранение. На идеально лежащее тело. На исчезнувшие часы. На пустой бокал вина. В голове крутились версии, одна страшнее другой.

- Я узнаю, - сказала я. - Клянусь.

Яна всхлипнула. Тихо. Одним звуком. Никита вздохнул. Достал из кармана перчатки, всегда носит с собой, паранойя старого опера.

- Тогда давай работать. Но если нас поймают, я ничего не знал. Ты меня сюда затащила насильно.

- Договорились, - усмехнулась я. - Ты мой заложник.

Он надел перчатки. Я подошла к окну и выглянула на улицу. Внизу было пусто. Пять этажей, мокрый карниз, пожарная лестница в пяти метрах. Спускаться по ней самоубийство. Но подняться по ней тоже не вариант для обычного человека

- Время, - сказала я. - У нас где-то полчаса до Димы. Может, чуть больше. Давайте искать гильзу.

- А если её вообще не было? - спросил Никита.

- Тогда это был кто-то свой. Кто умеет обращаться с оружием и не оставляет следов. - я повернулась к Яне. - Кто ещё знал, что ты будешь дома сегодня?

Яна задумалась. По её лицу пробежала тень быстрая, как рыба под водой.

- Мама знала. И... Артём. Бывший муж.

- Артём знал, что ты будешь с Тихоновым?

- Нет. Я сама не знала. Тихонов позвонил за час до того, как приехать.

Я переглянулась с Никитой. Час достаточно, чтобы добраться, подготовиться, затаиться.

- Проверим Артёма, - сказал Никита - Алиби, звонки, маршруты.

- И мать, - добавила я.

- Мать? Юль, она больна. Она еле ходит.

- Тем лучше, - сказала я жёстче, чем собиралась. - Тихонова застрелили не больные старики. Но знать могли.

Я подошла к Яне. Взяла её за плечи. Не как следователь, а как подруга.

- Нам нужна правда. Вся. Даже та, которую ты прятала. Особенно она. Поняла?

Яна посмотрела мне в глаза. Её зрачки расширились не от страха. От чего-то другого.

- Ты не представляешь, о чём просишь, - прошептала она.

- Представляю, - ответила я. - Я следователь. Я представляю себе всё. Даже то, что ты от меня скрываешь.

В прихожей запищал домофон. Я замерла. Никита мгновенно выхватил из кармана пистолет, привычка, от которой он никогда не избавится. Но я положила руку ему на запястье.

- Это Дима. Раньше приехал. Быстро.

Я пошла открывать. У двери обернулась. Яна стояла в той же позе, прижавшись к стене, с глазами, полными ужаса и надежды.

- Не бойся, - сказала я. - Я рядом.

И открыла дверь. На пороге стоял Дима, заспанный, в мятой футболке, с огромным чёрным чемоданом в руке. Взгляд уже профессиональный, цепкий.

- Показывай, - сказал он вместо приветствия.

Я кивнула в сторону комнаты.

- Труповозка пока не вызывалась, - добавила я. - Смирнова ещё не знает. Ты первый.

Дима прошёл мимо меня, остановился на пороге, оглядел картину. Свистнул тихонько так же, как Никита десять минут назад.

- Шукина, - сказал он не оборачиваясь. - Ты в курсе, что за такое могут выгнать? И не только тебя?

- В курсе. Поэтому давай сделаем так, чтобы никто не узнал.

Дима вздохнул. Открыл чемодан.

- Тогда начинаем отсчёт, - сказал он. - У меня до шести утра. Потом меня майор на вызов припашет. Всё, что не успею ваши проблемы.

Я кивнула. Снаружи, за окном, медленно серело небо. Ноябрьское, промозглое. Утро обещало быть долгим. Пока Дима работал, я обшарила карманы. Делала это осторожно, двумя пальцами, чтобы не оставить лишних следов. Я нарушала правила, но боялась нарушить их ещё сильнее. Правый боковой карман пиджака пусто. Внутренний - зажигалка, старая, металлическая, без гравировки. Нагрудный - визитка. Я вытащила её, поднесла к свету. Детективное агентство «Дилижанс. Константин Сергеев частный сыск, охрана, сопровождение» Имя было знакомым. Я прокрутила память, как плёнку. Где-то в глубине, среди старых дел, среди лиц, которые мелькали на оперативках. Потом вспомнила. Сергеев. Когда-то он работал опером в нашем же УВД. Лет десять назад. Я была тогда начинающим следователем, а он крепким, въедливым мужиком с цепким взглядом. Ходили слухи, что его попросили из органов за связь с криминалом. Или за излишнюю самостоятельность. Кто теперь разберёт. Ушёл на вольные хлеба. И вот объявился на трупе. Я обернулась к Яне подняла визитку.

- Почему он пришёл к тебе?

- Он позвонил мне днём. Сказал, что у него есть ко мне разговор. Важный. Я не хотела встречаться, но он настаивал.

- Шантаж? - Никита подал голос из угла.

- Я не знаю. Он не называл цену. Сказал сначала поговорим, потом решим.

- Вы выпили по бокалу, - продолжила я. - Он всё время нервничал?

- Да. Постоянно смотрел на часы. Вертел головой. Как будто ждал кого-то. Или боялся, что кто-то войдёт.

- Потом ты ушла в душ.

- Потом я ушла в душ, - эхом отозвалась Яна.

Я замолчала. В голове крутилась версия за версией. Сергеев частный детектив, бывший опер, вряд ли случайно оказался здесь. Вряд ли случайно умер. Если он кого-то шантажировал, то у него могли быть враги. Или заказчик, который решил избавиться от исполнителя. А может, всё проще. Может, Сергеев знал то, за что его убили. Я посмотрела на Никиту. Он стоял, скрестив руки на груди. В его глазах читался один и тот же вопрос. Я перевела взгляд на Яну.

- Ян, ты понимаешь, что если я сейчас позвоню Смирновой, тебя заберут тут же? У тебя мотив, - продолжила я, как отрезала. - Пусть даже неясный, но шантаж — это уже статья. Ты последняя, кто видел его живым. У себя в квартире. Твои отпечатки на бокале, на дверях, может быть, на теле. Даже если ты ничего не делала, первое время все улики будут против тебя.

Яна заплакала. Тихо, без звука, слёзы просто катились по щекам, и она их не вытирала. Мокрые дорожки блестели в тусклом свете.

- Я не хочу в тюрьму. Я ничего не делала. Юль, ты же знаешь меня. Я не...

- Я знаю, - перебила я. - Но знание и доказательства разные вещи.

Я подошла к окну. Прижалась лбом к холодному стеклу. Внизу пустая улица, редкие фонари, Никитина машина криво припаркована у бордюра. Отсюда, сверху, город казался игрушечным. И чужая беда тоже игрушечной. Но она была настоящей. Никита спросил с порога:

- Щукина, что будем делать?

Я отлепилась от окна. Повернулась к ним обоим. Голос прозвучал так, будто я уже приняла решение, хотя внутри всё ещё шла борьба.

- Мы сейчас сделаем так. - я подошла к Яне, взяла её за подбородок, заставила смотреть на меня. Твёрдо. Без жалости. - Ты переодеваешься в то, в чём была до душа. Всё, что на тебе сейчас - халат, полотенце — это было потом. Тебе нужно выглядеть так, будто ты только что вышла из душа и обнаружила тело.

Яна кивнула. Дрожащими руками начала расстёгивать халат.

- Я всё фотографирую, - продолжала я. - Труп, комнату, бокалы, бутылку. Всё, как есть.

- Потом ты уничтожаешь эти фото? - спросил Никита.

- Нет. Потом я их спрячу. На всякий случай.

Яна тем временем натянула на себя джинсы и свитер, что висели на стуле. Влажные волосы откинула назад.

- Потом, - продолжила я, - Ты вызываешь полицию и говоришь всё то же самое. Пришёл, выпили, ты ушла в душ, вернулась он мёртв. Ничего не трогала. Ничего не знаешь. Абсолютно.

- А ты? - спросила Яна.

- Я сейчас уйду. Мы с Никитой и Димой будем за дверью до того, как ты наберёшь «102». Буду помогать тебе неофициально. Потому что если Смирнова узнает, что я была первой, меня уволят.

- Уволят? - переспросила Яна.

- Как минимум. Как максимум посадят за превышение и фальсификацию. Хочешь, чтобы я ради тебя села?

Яна помотала головой. Слезы снова хлынули.

- Нет, Юль, нет, конечно...

- Тогда не плачь. Посмотри на меня. Всё будет хорошо. Ты звонишь. Они приезжают. Ты даёшь показания. Никакой самостоятельности. Я буду рядом, даже если ты меня не видишь. Поняла?

Я развернулась к выходу. Дима поднял голову от чемодана. В его глазах застыло что-то среднее между ужасом и восхищением.

- Щукина, - сказал он негромко. - Ты нормальная? Ты зачем тогда меня позвала?

Я замерла у порога. Обернулась.

- Дим, ты сейчас тоже уходишь. Всё, что ты сейчас нашёл - всё, что снял, зафиксировал, измерил, ты делал для меня. Не для протокола. Не для Смирновой. Для меня. Понял?

- Понял, - ответил он медленно, запирая чемодан.

- Тебя вызовут в любом случае. Смирнова поднимет все базы, вызовет всех криминалистов. Ты пойдёшь как по расписанию. Сделаешь вид, что видишь это в первый раз. И всю информацию, все свои выводы, сначала мне.

Дима вздохнул. Почесал затылок.

- Знаешь, Щукина, я всегда знал, что ты отчаянная. Но чтобы настолько...

- Иди уже, - сказала я, но без злости. - И помни: ты ничего не видел до вызова.

Мы вышли в подъезд. Дверь за нами закрылась с мягким щелчком. Я слышала, как Яна внутри делает глубокий вдох.

- Сейчас позвонит, - сказал Никита. - Ты уверена, что это правильно?

- А у меня есть другие варианты? - спросила я.

Он не ответил. Мы спустились на два пролёта вниз и замерли там, где нас не было видно, но было слышно, как открывается дверь. Через минуту Яна заговорила. Тихо. Потом громче.

- Алло? Полиция? У меня в квартире труп. Я не знаю, что случилось. Приезжайте, пожалуйста, скорее.

Голос дрожал, но не срывался. Молодец. Я закрыла глаза и прислонилась к холодной стене. Выйдя на улицу, послышались сирены. Кто то явно вызвал полицию раньше.

Глава третья

Никита отъехал за угол. Я вышла из машины и прислонилась к стене. Ноги дрожали - то ли от холода, то ли от адреналина. Ноябрьская сырость пробиралась под куртку, но я не чувствовала. Взгляд был прикован к подъезду Яны. Через семь минут во двор влетели машины с мигалками и одна обычная и тёмный «Фольксваген», служебный, но без опознавательных знаков. Я знала эту машину. Она принадлежала Рите. Двери распахнулись. Из обычной машины вышла женщина и направилась в подъезд. Даже с такого расстояния, даже в полутьме дворовых фонарей я узнала Риту. Смирнова была в своём репертуаре: тёмное пальто, волосы стянуты в узел, на лице ни тени эмоций. Цепкий взгляд, которым она сканировала пространство быстрее

любой камеры. Уверенный шаг, будто она шла не на труп, а на светский раут. За ней вышли двое в форме. И криминалист с жёлтым чемоданчиком. Хорошо. Рита скрылась в подъезде. Дверь за ней закрылась. Я осталась на улице. Руки в карманах сжимались в кулаки. Сердце колотилось где-то в горле. Что там сейчас? Я догадывалась.

Рита наверняка уже допрашивает Яну. Быстро, жёстко, с расстановкой. Задаёт одни и те же вопросы в разной формулировке, смотрит где свидетель споткнётся. Осматривает тело. Делает пометки в блокноте. Криминалист в это время работает с бокалами, дверными ручками, ковром. Она не знает, что её опередили. Пока не знает. Прошло двадцать минут. Я уже собиралась уйти, замёрзла, продрогла до костей, и адреналин начал спадать, оставляя после себя пустоту и тошноту. Но тут входная дверь открылась. Сначала вышла Рита. За ней следом вышла Яна. На ней был тот самый свитер и джинсы. Волосы ещё влажные. Бледная, как полотно, но держится. Стоит ровно, не шатается, не плачет. Молодец. Держится. Я уже хотела выдохнуть с облегчением, но тут во дворе появилась ещё одна фигура. Я напряглась. Это была Галина. Жена Тихонова.

Я никогда не видела её вживую, но смотрела фото в старых делах. Она не изменилась. Как она тут так быстро оказалась? Убийство произошло максимум три часа назад. Оперативная группа только что приехала. Откуда вдова узнала? Ей никто не звонил, Яна точно не звонила. Значит, кто-то другой. Галина подошла к Рите. Я видела, как она что-то сказала. Смирнова попыталась её остановить, выставив руку вперёд. Но Галина не слушала. Она решительно направилась в подъезд. Шуба распахнулась, открывая дорогой костюм. Туфли на каблуках застучали по асфальту. Рита пошла за ней обратно. Я слышала обрывок её фразы:

- Галина Михайловна, подождите...

Но дверь уже закрылась за обеими. Мне стало очень интересно. Я подождала ещё минуту. Оглядела двор, патрульные курили у машины, криминалист возился в багажнике. Подъезды в этом доме были проходные. Можно зайти с торца. Я забежала внутрь. Тихо, крадучись, стараясь не стучать каблуками. Поднялась на этаж выше. Присела на корточки у перил. С этого места была отлично слышна лестничная клетка. Смирнова и Галина стояли в коридоре перед открытой дверью квартиры Яны. Я слышала их голоса — приглушённые, но различимые.

- Где мой муж? - голос Галины - Я хочу его видеть!

- Галина Михайловна, - голос Риты ровный, - Здесь работает следственная группа. Вам сюда нельзя.

- Это мой муж! Я имею право!

- Вы имеете право предъявить документы и ожидать внизу, - Смирнова не повышала голоса. - Процессуальные действия ещё не завершены.

- Какие действия?! Вы что, не видите, его убили! Я хочу знать, кто это сделал!

- Для этого мы и работаем.

Пауза. Галина, видимо, пыталась заглянуть в квартиру, Рита перекрыла ей дорогу. Но она все равно прошла.

- Вы меня не пускаете? - голос вдовы стал тише, но опаснее. - Вы знаете, кто я? Я позвоню начальнику вашего управления. Прямо сейчас.

- Звоните, - спокойно ответила Рита. - А я пока составляю протокол о препятствии следствию. Статья 294 УК РФ. До трёх лет лишения свободы. Вам оно надо?

- Я найду того, кто это сделал, - сказала она. В голосе не было истерики. Была клятва. - Даже если ваша контора будет стоять на ушах.

Рита ничего не ответила. Дверь квартиры хлопнула, зашёл ещё кто-то из экспертов. Разговор прервался. Я сидела на корточках на шестом этаже, слушая, как сердце стучит в ушах. Галина Сергеева знала о смерти мужа слишком быстро. Кто ей позвонил? Может быть, сам убийца? Чтобы проверить реакцию? Или кто-то из своих, тот кто был в квартире до приезда

полиции? А может быть, Галина и была в курсе, потому что сама заказала мужа? Набрала Никиту.

- Ты чего? - спросил он.

- Приехала жена. Или она была уже здесь.

- Какая жена?

- Тихонова. Уже здесь. Быстрее, чем скорая. Никит, это очень странно.

Никита помолчал.

- Пробить её?

- Прямо сейчас. И проверь, заказывала ли она такси или выезжала на своей машине. Мне нужно знать, откуда она узнала.

- Понял.

Я продолжила слушать, прижавшись к холодной стене лестничной клетки. Голоса из квартиры доносились приглушённо, но каждое слово было как удар молотка.

- У меня есть информация, - голос Галины стал громче, настойчивее. - Моего мужа постоянно кто-то шантажировал. Он упоминал круглые суммы и эту женщину тоже упоминал.

Я напряглась. Кого «эту»? Яну?

- Это неправда! - голос Яны прозвучал резко, с надрывом. - Я ничего не знала ни о каком шантаже!

Я решила, что ждать больше нельзя. Слишком много неизвестных. Слишком много голосов. Слишком много слов, которые могли повернуть расследование не туда. Я толкнула дверь и вошла.

- Добрый вечер.

Смирнова обернулась первой. Её глаза сузились. Она стояла в коридоре, скрестив руки на груди, и выглядела так, будто эта квартира принадлежала ей.

- Щукина? - удивилась она, но в голосе не было удивления. Была холодная настороженность. - Ты что здесь делаешь?

Я сделала шаг вперёд. Небрежно, как будто случайно зашла купить хлеба.

- Проезжала мимо. Услышала сирены. Может, помощь нужна?

Рита сделала шаг мне навстречу. Теперь она стояла вплотную, перекрывая проход.

- Не твоё дело, Щукина. Ты из другого района. Уходи, пока я не написала рапорт.

- Рита, - я не повысила голос, - Давай не будем устраивать здесь клоунаду. Я знаю Яну уже много лет. Она моя подруга.

Повисла пауза. В комнате кто-то кашлянул.

- Как трогательно, - воскликнула Галина. Её голос сочился ядом. Она стояла у стены, прижимая к груди дорожную сумочку. - Следователь и подозреваемая в одной комнате. Прямо как в сериале.

Напряжение в квартире выросло до предела. Галина переводила взгляд с меня на Яну, с Яны на Риту. Её губы кривились в подобии улыбки. Норковая шуба блестела в свете ламп.

- И давно вы знакомы? - спросила она с притворным интересом. - С детства? Вместе в песочнице? Очень мило.

- Галина Михайловна, - Рита попыталась вернуть контроль, но её голос дрогнул.

В этот момент дверь снова открылась. В квартиру вошёл Никита. Он не спросил разрешения. Просто перешагнул порог и встал рядом со мной. В его глазах не было ни тени сомнения.

- О, ещё один, - Галина рассмеялась - Тоже друг, да? Команда поддержки? Вы бы ещё пиццу заказали.

- Галина Михайловна, - начал Никита, но она перебила.

- Я всё поняла. Подружки, дружки, кружок взаимопомощи. Моего мужа убили. А вы тут вечер встреч устраиваете.

- Никто вам не устраивает, - сказала я спокойно. - Мы здесь, чтобы помочь.

- Помочь?! - Галина повернулась ко мне, - Помочь — это найти убийцу. А вы только мешаете.

- Всем выйти. Щукина, Спицын уходите. Это не ваша юрисдикция.

Я открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент из комнаты донёсся голос криминалиста.

- Рита, - позвал он. - Тут следы. На балконе. Кто-то спускался вниз по лестнице.

Я резко напряглась. Почему я не заметила этого раньше?! Я обошла Риту и шагнула к балкону. Она попыталась меня перехватить, но я была быстрее. Балкон был маленький, захламлённый - старые ящики, сушилка для белья, засохшая герань. Но прямо у перил, на металлическом карнизе, чётко виднелись потёртости. Свежие. Криминалист поднял на меня глаза.

- Кто-то спускался по водосточной трубе, - сказал он, кивая вниз. - Или наоборот поднимался.

Внизу, на уровне первого этажа, труба была погнута. Следы ног - явственно, на краске, на ржавчине.

- Когда? - спросила я.

- Сегодня, - уверенно ответил криминалист. - Следы свежие. Максимум несколько часов.

Несколько часов. То есть, пока Яна была в душе или пока она спала или пока мы все тут топтались, кто-то мог войти в квартиру через балкон. Или выйти. Я резко повернулась к Яне.

- Ты закрывала балконную дверь?

- Я никогда её не закрываю. Там же пятый этаж, кто полезет?

- Тот, кому очень надо, - ответил Никита.

Рита оттеснила меня плечом.

- Всё, Щукина. Ты здесь лишняя. Я сама разберусь.

- Рита, здесь следы, которые...

- Которые зафиксирует моя группа. А ты уходи.

Я посмотрела на неё. В её глазах не было злобы. Был холодный, казённый расчёт. Она делала свою работу. И моё присутствие мешало. Но я не могла уйти. Потому что за моей спиной Яна смотрела на меня так, будто я единственная ниточка, которая держит её над пропастью.

- Я уйду. Но ты мне позвонишь, если найдёшь что-то важное.

- Это почему это я тебе позвоню?

- Потому что, - я наклонилась к её уху и прошептала так, чтобы никто больше не слышал, - Потому что я знаю про твою амнезию два года назад и про того свидетеля, которого ты упустила. И если ты не хочешь, чтобы об этом узнал твой начальник, ты будешь держать меня в курсе.

- Ты... - прошипела она.

- Я твой лучший друг сегодня, - улыбнулась я. - Пока.

Я двинулась к выходу. Никита за мной. У порога я обернулась. Яна стояла у стены, сжавшись в комок. Галина смотрела на меня, как на заклятого врага. Рита как на предателя.

- Комната - труп - балкон, - сказала я, глядя на Риту. - Следы на трубе. Профессиональный выстрел. Всё это не случайность. Ты умная женщина, Рита. Не строй версию там, где нужно думать.

Я вышла. Дверь за мной захлопнулась. Никита догнал меня на лестнице.

- Юля, - сказал он тихо. - Ты только что пригрозила Смирновой старым делом? Ты в своём уме?

- Я сделала то, что должна была.

- Ты подставилась! Если она сейчас пойдёт к Роману Евгеньичу...

- Не пойдёт.

- Почему ты так уверена?

Я остановилась на втором этаже. Взяла Никиту за руку.

- Потому что я знаю, что она скрывает. И она знает, что я знаю. И это страшнее, чем любой рапорт.

Мы вышли на улицу. Ночь стояла та же самая, но мир изменился. Балконная дверь. Следы на трубе. Человек, который влез в квартиру и убил Сергеева. И Галина, которая знала о смерти мужа слишком быстро.

- Никит, - сказала я, садясь в машину. - Пробивай Галину Сергееву по полной. Её телефон, её звонки за последние сутки. И проверь, не было ли у мужа страховки на крупную сумму.

- Ты думаешь, она?

- Я пока ничего не думаю. Я собираю информацию.

Машина завелась. В зеркале заднего вида мигали огни полицейских машин. Я посмотрела на окно квартиры Яны. Кто-то из криминалистов всё ещё работал на балконе. Кто же ты, тот, кто спускался по трубе? Ответа не было. Только холод, темнота и восемьдесят килограммов мёртвого частного детектива на ковре у моей лучшей подруги.

Глава четвертая

Я вернулась к Яне спустя сорок минут. Никита повозмушался - мол, осталось полтора часа до утра, зачем тебе туда, ты и так уже наработала на выговор, но отпустил. Знал, что спорить бесполезно. Когда Щукина входит в режим, её может остановить только пуля. И то не факт. Я припарковалась у того же подъезда. Полицейские машины уже уехали. Я поднялась на этаж. Дверь в квартиру была приоткрыта. Я толкнула её плечом. Яна сидела на том же месте, на стуле в коридоре. Руки на коленях, спина прямая. Она напоминала солдата после бомбёжки: цела, но внутри всё выжжено.

- Уехали? - спросила я, снимая куртку.

- Не совсем. Криминалист ещё работает.

Я прошла в комнату. Тела уже не было, его забрали. Но на полу осталось пятно. Тёмное, почти чёрное в тусклом свете. Кровь. Аккуратный овал там, где лежала голова Сергеева. Я посмотрела в спальню - дверь открыта, кровать не заправлена, на тумбочке книга. Потом прошла на кухню. Всё на своих местах. Я села за стол. Постучала пальцами по столешнице.

- Вспоминай ещё детали. Любые. Даже те, которые кажутся неважными.

Яна поставила кружку на стол. Села напротив.

- Я уже сто раз в голове перебрала, - сказала она устало, без надрыва. - Мы пили. Он нервничал. Смотрел на часы каждые пять минут. Я пошла в душ. Всё. Больше ничего не помню. Понимаешь, это как фильм, который ты посмотрел в детстве. Помнишь начало и конец, а середину нет. Пустота. Белое пятно.

Я обняла подругу. Она была тёплой и одновременно ледяной. Дрожала мелкой дрожью нервной, не от холода.

- Дыши, подруга, - сказала я тихо. - Дыши.

Я гладила её по спине, как маленькую. И говорила не о деле, не о трупе, не о Смирновой. О другом.

- Вспомни, как мы на дачу забрались. Тогда, ещё в институте. Помнишь? Ворота были закрыты, и мы перелезли через забор. Все думали, что дача заброшена. А там оказались хозяева. И собака.

- А ты бежала быстрее всех, - прошептала она.

- Я не бежала, я эвакуировалась.

- Ты оставила меня с этой овчаркой!

- Ты сама сказала, беги, я задержу её.

- Я орала от страха, а не «беги»!

Мы обе рассмеялись, как смеются люди, которые едва не утонули и только что выбрались на берег. Я убрала руки с её спины.

- Ну, теперь соберись. И давай ещё подумаем. Вместе. Как на той даче.

Яна вытерла глаза рукавом.

- Ладно.

Я поднялась и начала осматривать комнату. Системно. Привычно. Хотя знала, что криминалисты уже всё тут перетряхнули, я всё равно смотрела своим взглядом. Углы. Плинтусы. Мебель, сдвинутая на два сантиметра. Яна ходила за мной как тень. Близко, почти вплотную. Не мешала, но и не отпускала.

- Я уже здесь всё сто раз обошла, - сказала она.

- Значит, пройдем сто первый.

Я присела на корточки у пятна. Кровь уже почти засохла, впиталась в ворс ковра. Темнее по краям, светлее в центре. В голове автоматически пронеслось: истекал недолго, сердце остановилось быстро. Выстрел в упор, почти без шансов.

- Тело уже забрали, - сказала Яна за моей спиной.

- Вижу.

- А пятно осталось.

- Пятно всегда остаётся. Даже когда всё отмывают. Оно остаётся в голове. Яна, ты уверена, что Сергеев пришёл один?

- Да. Я открыла дверь, он стоял один.

- Он мог кого-то привести с собой? Завести, пока ты ходила за вином на кухню?

- Нет. Я бы слышала.

- А когда ты была в душе?

- Вода шумела. Я могла не услышать, если кто-то вошёл.

- Или вышел.

- Или вышел, - повторила она.

Я посмотрела на балконную дверь. Она была закрыта, то ли криминалисты закрыли, то ли сама Яна. Я подошла, открыла. Холодный воздух хлынул в комнату, смешиваясь с запахом смерти.

- Тот, кто спускался по трубе, мог зайти и выйти, пока ты была в душе,— сказала я, не оборачиваясь. - Но тогда он должен был знать, что ты собираешься мыться.

- Я никому не говорила.

- А Сергеев? Он мог кому-то сказать? Или он сам и был тем, кто кого-то ждал?

Я обернулась. Яна стояла на пороге балкона. Бледная, осунувшаяся, но глаза живые. Азартные. Как у того студента, который полез через забор к чужой даче.

- Ты думаешь, он пришёл не ко мне? - спросила она. - А к кому-то третьему?

- Возможно. Кто-то, кто должен был прийти через балкон. А ты оказалась лишней.

- Или наоборот частью плана.

Тишина. Я кивнула.

- Мы найдём, Яна. Клянусь. Найдём и докажем, что ты не виновата.

- А если виновата?

- Если виновата, я сама принесу тебе наручники.

- Договорились.

Я вышла с балкона, закрыла за собой дверь. Ещё раз прошлась по комнате, заглянула под кровать, не выпал ли диктофон или жучок.

Ничего. Только пятно на ковре. И тишина, которая звенит в ушах.

- Я поеду, - сказала я. - Мне в девять к Роману Евгеньевичу. А тебе спать.

- Я не усну.

- Попробуй. Завтра будет тяжелее.

Накинула куртку. У порога обернулась.

- Если что-то вспомнишь, звони в любое время. Даже в пять утра. Даже если покажется ерундой.

- Хорошо.

Я уже взялась за ручку двери, как Яна хлопнула себя по лбу.

- Подожди, Юль!

Она стояла посреди коридора, бледная, но глаза горели, в них появилось что-то, чего не было весь вечер. Надежда? Или страх? Или смесь того и другого.

- Я вспомнила. Камера. Отца.

- Что камера? - переспросила я, не понимая.

- Камера отца, - повторила Яна и уже бежала в спальню. - Папа оставил. Старая, ещё советская. Он всегда снимал наши праздники.

Я пошла за ней, ничего не понимая. В спальне Яна открыла сервант. Раньше там хранился хрусталь. Теперь старые альбомы, диски. Она достала видеокамеру. Старую, тяжёлую, ещё на кассетах. «Панасоник», конца девяностых. Чёрный корпус потёрт от времени.

- Ты её включала вчера? - спросила я.

- Нет, - Яна трясла головой, пытаясь нащупать кнопку включения. - Но иногда она сама включается. У неё таймер сломан. А вот этот движок... Чёрт.

Она щёлкнула переключателем. Камера не реагировала.

- Я недавно подключала её к ноутбуку, - сказала Яна, всё ещё возясь с кнопками. - Смотрела наши детские видео. С дачи. С Нового года.

- Яна. - я взяла её за руку, остановила суету. - Ты хочешь сказать, что камера могла записать вчерашний вечер?

- Я не знаю. Кассета новая, я её поставила буквально на днях. - Яна подняла на меня глаза. - Если она включилась случайно, пока я была в душе...

Я не дала ей договорить. Выдернула камеру из её рук, нашла кнопку воспроизведения. Экранчик был маленький, чёрно-белый, но это было лучше, чем ничего. Я затаила дыхание. Экран мигнул. Зашипел. И вдруг появилась картинка. Комната. Диван. Вино на столике. Яна и Константин. Они сидели на диване. Не рядом, но близко. Яна смеялась, заправляла волосы за ухо. Сергеев смотрел на неё напряжённо, как смотрит человек, который вот-вот прыгнет в пропасть. Я сжала камеру так, что побелели костяшки.

- Есть звук? - спросила я шёпотом.

- Должен быть, - так же шёпотом ответила Яна.

Я подкрутила громкость.

- Яна, я не могу без тебя, - голос Тихонова был глухим, почти умоляющим. Он сидел, сцепив пальцы, и не смотрел на неё.

- Ну так уходи от неё, - ответила она. Просто. Без злости. Без напряжения.

- Ты не понимаешь, - сказал он медленно, как ребёнку. - Я не могу, если я уйду, меня убьют.

Я почувствовала, как всё сжимается внутри. Живот, грудная клетка, горло. Воздух перестал проходить. Яна на экране замерла. Даже через мутную картинку старой камеры было видно, она испугалась. По-настоящему.

- Кто тебя убьёт? - спросила она. - Галина? У неё кишка тонка.

Тихонов не ответил. Только покачал головой. Потом на экране Яна встала. Что-то сказала, камера не разобрала, звук захрипел. И вышла из кадра. Хлопнула дверь ванной. Тихонов остался один. Я смотрела на экран, не дыша. Минута. Другая. Борис сидел неподвижно. Потом медленно достал телефон, посмотрел на экран. Набрал кого-то.

- Да, - сказал он в трубку тихо, почти беззвучно. - Она в душе. Говори быстрее.

Я напряглась ещё больше. Моё сердце колотилось где-то в ушах. На экране Тихонов слушал собеседника. Кивал. Губы сжаты, лицо серое. Он убрал телефон в карман пиджака. Потянулся за бокалом и замер. Потому что с балкона вышел человек. Я не поверила своим глазам. Балконная дверь открылась бесшумно. Фигура скользнула в комнату, как тень. Человек

в капюшоне. Чёрная толстовка, тёмные джинсы, перчатки. Лица не разобрать, капюшон низко надвинут, в комнате полумрак. Тихонов дёрнулся. Открыл рот, может, хотел закричать. Но не успел. Человек поднял руку. Глухой хлопок. Я вздрогнула всем телом, даже зная, что сейчас увижу. Борис опрокинулся на спину, не сделав ни звука. Только бокал полетел на пол.

Человек в капюшоне наклонился над телом. Не торопился. Сначала проверил пульс двумя пальцами к шее. Подождал секунд пять. Убрал руку. Потом взял со телефон. Несколько раз нажал на экран - что-то удалял, что-то смотрел. Положил обратно. И когда он брал в руки телефон, на его правой руке, на запястье, мелькнула татуировка. Волчья лапа. Человек выпрямился. Посмотрел на балконную дверь. На секунду мне показалось, что он видит нас сквозь время, сквозь запись. Слышит, как мы дышим. Потом он шагнул на балкон и исчез. Через минуту в кадр вбежала Яна. В халате, с мокрыми волосами. Увидела тело. Вскрикнула глухо, как раненая птица. Экран погас. Запись закончилась. Я опустила камеру.

- Вот это поворот. Ты знаешь его?

Яна стояла белая, бледнее, чем под утро. Губы тряслись.

- Нет. Я его не знаю. Я никогда его не видела.

За окном начало светать. Серое, промозглое утро разливалось по комнате, делая всё вокруг плоским и нереальным. Я повертела камеру в руках. Включила снова. Перемотала на момент, когда человек в капюшоне поднимает трубку. Волчья лапа. Чётко. Увесисто.

- Я кажется знаю его, - сказала я тихо.

Яна подняла на меня глаза.

- Два года назад я вела дело об заказном убийстве, - продолжила я. - Предпринимателя. Тот же почерк, выстрел в упор, та же чистота, никаких свидетелей. И на одном из свидетелей была такая же татуировка. Я тогда не успела его найти, дело закрыли за недостатком улик.

- Ты думаешь, это один и тот же человек?

- Я думаю, что это не просто киллер. Это профессионал. И за ним стоит кто-то, кто очень не хотел, чтобы Константин говорил лишнего. Я забираю камеру.

- Но ты не можешь...

- Я всё могу, Яна. - мой голос стал жёстче, чем я хотела. - Я делаю всё, чтобы тебя не посадили. А для этого камера должна оказаться у меня, а не у Смирновой. Поняла?

Яна кивнула. Я убрала камеру в сумку. На пороге обернулась.

- Татуировку видела только ты и я. Никому ни слова. Даже Никите пока. Это наше секретное оружие.

- Хорошо.

Спустилась на первый этаж. Открыла дверь. Утро ворвалось в лицо холодным ветром. Волчья лапа. Киллер. Заказное убийство. Ну что ж, Борис Тихонов. Ты влез во что-то серьёзное. А я влезла вслед за тобой. Теперь выбирать будем вместе. Я ехала по пустынному утреннему проспекту, прокручивая в голове запись с камеры. Волчья лапа. Выстрел в упор. Человек в капюшоне, который вышел из темноты, как призрак. И тогда я невольно взглянула в зеркало заднего вида. За мной ехала машина. Тёмный «Опель», ничем не примечательный - ни царапины, ни наклейки, ни битой фары. Обычный. Как тысячи других на дорогах. Но я его не помнила. Я не видела его, когда выезжала от Яны. Не замечала на парковке. Он появился из ниоткуда. Я сбавила скорость. Он сбавил тоже. Я прибавила. Он прибавил. Внутри всё сжалось в тугую узел. Спокойно, Щукина. Может, просто совпадение. Но следовательская паранойя не болезнь, а профессиональный навык. Я резко вывернула руль и вдавила газ в пол. Двигатель взревел, машина рванула вперёд, обгоняя редкие ночные автомобили. В зеркале фары продолжали висеть на хвосте. Машина то приближалась, то отставала. Как будто водитель играл со мной, проверял реакцию, дразнил. Я сжимала руль так, что пальцы онемели. Кто ты? На следующем перекрёстке я резко вывернула руль направо, потом ещё раз направо, потом налево, в обратном направлении. Резина взвизгнула по мокрому асфальту. На мгновение я оторвалась

от хвоста. «Опель» пропал из зеркала. Я проехала ещё квартал, свернула во дворы, заглушила двигатель. Села, пригнувшись к рулю. Я ждала минуту. Две. Пять. Никого. Я выпрямилась. Оглядела двор - пустые машины, мусорные баки, серое небо.

- Че те надо? - спросила я вслух. - Кто ты?

Я откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза на несколько секунд. В голове проносились версии, одна страшнее другой. Это тот, кто убил Тихонова? Возможно. Он знает, что я была в квартире. Видел, как я выходила. Или следил за Яной, а заодно и за мной. Или просто случайный хвост? Слишком настойчивый для случайного. Слишком умелый. Я завела машину. Осторожно выехала со двора. Ещё раз проверила зеркала, чисто. Дорога до дома заняла пятнадцать минут. Всё это время я смотрела в зеркала через каждые три секунды. За мной никто не ехал. Я вернулась домой в половине восьмого. Квартира встретила тишиной и запахом кофе. Никита спал в спальне, дверь приоткрыта, слышно его ровное дыхание. Будить я его не стала.

Прошла на кухню. Спать не имело смысла, через час вставать, через два быть в управлении. Глаза слипались, но внутри всё гудело, как трансформаторная будка. Сделала себе крепкий кофе. Чёрный, без сахара, почти кипятком. хоть немного прочищает голову. Я допила кофе. Поставила кружку в раковину. Сходила в душ. Горячая вода стекала по спине, смывая запах табака, перегара и смерти. Но не смывала картинки, которые врезались в память. Я стояла под струёй, закрыв глаза, и видела волчью лапу на запястье. Чёткую. Увесистую. С когтями. Посмотрела в зеркало. Весёленькая ночь получилась. Отражение не ответило. Только кивнуло, как будто соглашалось. Я взяла ключи, сумку и вышла. На пороге обернулась. Никита всё ещё спал. Я представила, как он проснётся через час, не найдёт меня рядом и начнёт звонить.

Выйдя на улицу, я первым делом оглядела двор. Никакого чёрного седана. Никаких подозрительных машин. Только серый «Москвич» напротив подъезда, детская коляска у мусорки, да бабка с авоськой на лавочке. Может, показалось? Может, усталость и паранойя? Но следовательское чутьё, штука верная. Оно редко ошибается. Я села в машину и поехала в управление. В зеркало заднего вида я смотрела каждые пять секунд.

Глава пятая.

В отдел я зашла на автопилоте. Сказывалась бессонная ночь: ноги сами несли по знакомым коридорам, мимо дежурки, мимо стенда с портретами ветеранов, мимо автомата с водой, который уже второй месяц не работает. Глаза слипались, но внутри всё ещё гудело, адреналин не выветрился до конца. Я свернула к своему кабинету и на полпути столкнулась с Романом Евгеньевичем. Он вышел из своей двери как раз в тот момент, когда я проходила мимо. В руке папка, на лице выражение, которое я знала слишком хорошо: смесь усталости, раздражения и чего-то ещё. Того, что появляется, когда начальник решил читать нотации.

- Щукина, зайди.

Я развернулась и медленно поплелась за ним. Кабинет полковника пах табаком и старыми бумагами. На столе идеальный порядок, как всегда. На подоконнике фикус, который никто не поливает, но он всё равно живёт назло всем. Я остановилась у порога.

- Садись, Юлия Сергеевна.

Я удивилась. Роман Евгеньевич никогда не называл меня по имени-отчеству. Либо Щукина, либо просто Юля, когда хотел показать, что разговор неофициальный. «Юлия Сергеевна» звучало холодно. Отстранённо. Опасно. Села на стул, продавленный, с отломанной ручкой, на котором обычно сидят провинившиеся стажёры. Полковник обошёл стол, сел напротив. Сложил руки на груди. Посмотрел на меня в упор так, будто рентген просвечивал насквозь.

- Ты выглядишь как зомби, - сказал он. - Что, бессонная ночь?

- Да ничего особенного. Сериал затянул.

Роман Евгеньевич не улыбнулся в ответ.

- Не ври мне, Щукина.

Он откинулся на спинку кресла. Пальцы барабанили по подлокотнику, нервный тик, который появлялся, когда он был по-настоящему зол.

- Мне уже звонила Смирнова. Говорит, ты вчера появилась в квартире и лезла в её расследование.

Я молчала. Внутри всё кипело, хотелось оправдываться, хотелось выложить всё: про камеру, про киллера, про чёрный седан. Но я держала язык за зубами. В этом кабинете правда была опаснее лжи. Я медленно поднялась. Подошла к его кофемашине, которую Роман Евгеньевич притащил из дома, потому что «в нашей столовой пойло, а не кофе». Налила себе чашку. Чёрный, без сахара. Полковник проводил меня взглядом.

- Щукина, ты обнаглела.

- Роман Евгеньевич, - сказала я спокойно, - Яна Гаврилова моя лучшая подруга. Мы с ней с детства. Я не могла не приехать.

- Могла. Ты следователь. Ты должна была вызвать группу и отстраниться.

- Я вызвала. Не я, но кто-то. Смирнова на месте.

- Ты была там до Смирновой.

Я подняла на него глаза.

- Я зашла на пять минут. Убедилась, что Яна в порядке. И ушла.

- Ты лезла в её расследование.

- Никакого вмешательства не было, - сказала я твёрдо. - Я даже близко не подходила к телу.

Я солгала. И Роман Евгеньевич это знал. Но у него не было доказательств, только слово Смирновой. Полковник встал. Подошёл к окну. Спина ко мне. За стеклом серело промозглое утро. Город просыпался - редкие машины, редкие прохожие, редкие птицы на карнизе. Роман Евгеньевич стоял так минуту. Может, две. Потом повернулся.

- Юль, - сказал он. - Я знаю тебя уже десять лет. Ты лучший следователь в моём отделе. Может быть, лучший во всём управлении. Но ты постоянно ходишь по краю.

- Роман Евгеньевич...

- Дай договорить. Ты готова рисковать всем ради каждого дела. Ради каждого человека, который тебе дорог. Это делает тебя хорошим следователем. Но это же когда-нибудь тебя погубит. Рита человек мстительный. Она уже несколько раз писала на тебя жалобы. В прошлый раз я их спустил на тормозах. В этот раз не знаю, смогу ли.

Он подошёл ко мне вплотную.

- Ты это... переставай давай. Я не хочу тебя отстранять. Но если Рита принесёт ещё одну жалобу с доказательствами, я буду вынужден.

- Хорошо, Роман Евгеньевич.

- Я сказал тебе что-нибудь про кофе? - спросил он, вдруг усмехнувшись.

- Нет, товарищ полковник.

- Тогда иди. И в следующий раз хотя бы разрешения спроси.

- Разрешите идти? - спросила я с улыбкой.

- Иди уже.

Я вышла из кабинета. Прикрыла за собой дверь. Прислонилась спиной к стене коридора. Выдохнула. Рита написала жалобу. Быстро. Уже утром. Даже не дождалась конца смены. Значит, она тоже играет нечестно. Или просто очень принципиальная. Или боится, что я узнаю что-то, чего не должна. Я выпрямилась и направилась к себе в кабинет. По пути встретила Колю из соседнего отдела.

- Щукина, ты чего такая бледная? - спросил он.

- Красота требует жертв, Коля.

- А-а-а, ну да, ну да, - засмеялся он и пошёл дальше.

Я толкнула дверь своего кабинета. Тот же беспорядок на столе. Та же чашка с чёрным кофе, остывшая со вчерашнего вечера. Те же папки, те же стены, тот же портрет Никиты на подставке для бумаг. Я села за стол. Включила компьютер. На экране высветился рабочий стол - дело ювелирного магната, которое я не закрыла вчера. Я посмотрела на папку, потом на часы. Сейчас 9:15. Мне нужно было готовиться к десяти к заседанию по тому делу. Вместо этого я сидела и смотрела на старую фотографию на заставке: мы с Яной на море, смеёмся, ветер треплет волосы. Три года назад. Я щёлкнула мышкой. Открыла закрытое дело двухлетней давности — предприниматель из Подмосковья, заказное убийство. Та же чистота. Тот же почерк. И свидетель с татуировкой, которого я так и не нашла. Я начала листать файлы, фотографии, показания. Искала волчью лапу. Искала хоть что-то, что связало бы старое дело с новым. Ничего. Пока ничего. Но где-то там, в глубине бумаг, в недрах компьютера, была ниточка. Я чувствовала. Я потёрла виски. Дверь открылась. Вошел Никита. Свежий, выбритый, в чистой форме. С кружкой кофе в одной руке и бутербродом в другой.

- Ты чего ушла без меня?

- Ты спал, не хотела будить.

- И правильно, - он поставил кружку на мой стол и сел напротив. - Я бы всё равно не поехал. У меня сегодня выходной.

- А ты чего тогда здесь?

- Кофе захотелось. И на тебя посмотреть.

Я улыбнулась. Никита умел разряжать обстановку, даже когда воздух звенит от напряжения. Он откусил бутерброд, прожевал, посмотрел на мой экран.

- Это старое дело?

- Да. Того самого киллера, которого я не дождала два года назад.

- Думаешь, он?

- Не уверена. Но почерк похож.

Никита склонил голову набок.

- А если он, то кто заказчик?

- Вот это мы и узнаем. У меня через сорок минут заседание по ювелирному делу. А потом к Яне.

- А Смирнова?

- Смирнова пусть занимается своими уликами. У меня есть кое-что получше.

Я похлопала по сумке, где лежала камера. Никита поднял бровь, но спрашивать не стал, знал, что в открытом кабинете лишние уши. Только кивнул.

- Тогда удачи.

- Спасибо.

Я вышла из кабинета. В коридоре снова столкнулась с Романом Евгеньевичем.

- Щукина, - окликнул он. - Яна Гаврилова твоя подруга, я понял. Но если ты переступишь черту, я не смогу тебя прикрыть. Ты меня поняла?

- Поняла, товарищ полковник.

- Иди. И постарайся сегодня никого не убить.

Остановилась посередине коридора, а куда я шла? Развернулась и направилась обратно к кабинету. Я уже почти дошла до своего кабинета, когда меня окликнули.

- Юлия Сергеевна!

Я обернулась. Из дежурки высунулся лейтенант Синицын - вечно заспанный, с кружкой чая в руке и с таким выражением лица, будто его только что оторвали от важного дела. Хотя его важное дело обычно заключалось в том, чтобы пялиться в монитор и иногда отвечать на звонки.

- Что, Синицын? - спросила я, не скрывая раздражения.

- Вас там человек на проходной спрашивает,

Я нахмурилась. Кто бы это мог быть в такую рань? Яна сидит дома. Никита уже здесь. Дима должен спать после ночной смены. Роман Евгеньевич только что разговаривал со мной в кабинете. Я развернулась и направилась в дежурку.

- Фамилию назвал? - спросила я на ходу.

- Нет. Сказал, что лично к вам. И что вы обрадуетесь. Я вашу радость пока не пропускал, ждал указаний.

- Умница.

Я прошла через дежурку к окну, выходящему на пропускной пункт. И увидела её. Рита Смирнова стояла у турникета, прислонившись плечом к стене. В руке два стаканчика кофе из автомата через дорогу. Она выглядела свежей - волосы уложены, форма отглажена, под глазами ни намёка на синяки. Будто спала всю ночь, а не осматривала труп до двух часов. Будто не видела того, что видела я. У меня внутри шевельнулось что-то нехорошее. Зависть? Нет. Скорее звериное чутьё, она здесь не просто так.

- Пропусти. И принеси мне кофе. Настоящий, не из автомата.

- А из чего?

- Из моей кружки. Термос в тумбочке.

Я вышла на улицу. Рита увидела меня, отлепилась от стены и пошла навстречу. На лице доброжелательная улыбка. Такая, которая бывает у кошек перед тем, как выпустить когти.

- Привет, капитан, - сказала она, протягивая один из стаканчиков. - Решила заехать, поговорить, чтобы не было недопониманий. Держи, кофе.

- Чего тебе надо, Рита?

Рита прислонилась к капоту своей служебной машины. Я осталась стоять, скрестив руки на груди.

- Шукина, - сказала Рита, не глядя на меня, - Ты вчера была в квартире у Гавриловой раньше меня. Я это знаю. Не хочешь объяснить, что ты там делала?

Она повернула голову. Глаза холодные, цепкие. В них не было злобы. Был расчёт. Я прислонилась к её машине с другой стороны. Посмотрела на серое утреннее небо.

- Яна моя лучшая подруга, - сказала я спокойно. - Она позвала меня, потому что у неё была истерика. Труп в собственной квартире — это, знаешь ли, стресс.

- Истерика? - переспросила Рита. - Она вполне спокойно давала показания.

- К твоему приезду она уже отошла. Ты приехала через сорок минут после звонка. Я успела её успокоить.

Рита отпила кофе. Я тоже сделала глоток. Кофе из автомата был отвратительным, но сейчас это было не важно.

- Шукина, - сказала она медленно, чеканя слова, - Ты всегда лезешь не в своё дело. Нарушаешь протоколы. Постоянно играешь в героя. Думаешь, что тебе всё можно, потому что Роман Евгеньевич тебя любит.

- Рита...

- Дай договорить. Я знаю, что ты была в той квартире до меня. Знаю, что ты что-то видела и, возможно, что-то взяла. Не знаю, что именно. Но если ты встанешь у меня на пути, я тебя раздавлю. Не потому, что ты плохой следователь. А потому, что на кону человеческая жизнь. И я не позволю какой-то выскочке путаться под ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.